

40. Эванс-Питричард, Э. Э. История антропологической мысли / Э. Эванс-Питричард. — М.: Издат. фирма «Восточная литература», РАН. — 360 с.
41. Эволюция: Космическая, биологическая, социальная / под ред. А. Е. Гринина, А. А. Маркова, А. В. Коротаева. — М.: Книжный дом «Либроком», — 2009. — Вып. 1. — С. 176-225.
42. Adams, R. N. Energy and structure: A theory of social power // R. N. Adams. — Austin: University of Texas Press, 1975.
43. Samelino, R. L. Cultural evolution / R. L. Samelino // Encyclopedia of cultural anthropology / Ed. by D. Levinson and M. Ember. — N. Y.: Holt, 1996. — P. 271-277.
44. Fried, M. H. The evolution of political society: An essay in political anthropology / M. H. Fried. — N. Y.: Random House, 1979. — 300 p.

2.2. Власть: основные теоретико-концептуальные подходы в политической науке

Изучение и осмысление феномена власти сопутствует всей истории социально-политической мысли. Как социальное явление власть многомерна и изучается разными науками. Б. Рассел считал, что фундаментальным понятием в общественных науках является власть, в том же смысле, в каком энергия является фундаментальным понятием физики. Сам термин «власть» связан с процессом осмысления данного социального феномена. М. В. Ильин отмечает, что «возникновение политической власти воспринималось людьми крайне непосредственно и конкретно. В результате были концептуализированы отдельные наиболее конкретно и непосредственно опутливые «явления» власти» [11, с. 29]. Это могло быть «начало» (трет. архе), «мощь», «сила» (лат. *potestas*).

Исследования возникновения термина «власть» в разных языках раскрывают историю этого понятия, изменение его смысла и значения от Античности, в которой не было интегрального понятия «власть», до Нового времени, когда понятие «власть» стало превращаться в научную категорию [17, с. 238-255]. Анализ категории «власть» показывает, как «многое зависит от исторического контекста и хронополитической зрелости, т. е. эволюционной развитости политических явлений и осмысляющих их понятий... не говоря уже о богатстве языковых традиций» [11, с. 7]. На понимание и трактовку власти накладывались и идеологические предположения.

В ходе исследования феномена власти созданы различные трактовки ее генезиса, выработаны разнообразные методы анализа, но создание синтетической теории власти все еще дело будущего. В. Г. Ледаев отмечает, что «современная кристаллология... является информационно-поисковой системой, в которой представлены конкурирующие исследовательские про-

граммы» [15, с. 97]. Само понятие «власть», с точки зрения С. Льюиса и ряда других исследователей, продолжает оставаться «сухопутно оспариваемыми», так как его значения и критерии применения открыты для обсуждения и пересмотра, постоянного генерирования и умножения новых смыслов. Власть в политической науке определяется и как ресурсы, и как цель, и как способность контролировать каналы поведения других лиц и применять санкции [27, р. 19-22]. Власть рассматривают как принятие решений (Р. Даль. «Кто правит? Демократия и власть в американском го-роде» (1961)); как определение политической повестки дня, как контроль над сознанием, т. е. способность влиять на других людей, воздействуя на их мысли, желания, потребности (С. Льюис. «Власть: взгляд радикала» (1974)); как регулятивный механизм социального общения (А. А. Деттрев).

М. В. Ильин, раскрывая смысл ряда понятийных категорий, подразделил их на «зонтичные» (соединение ряда понятий под общим «зонтиком») и «матрешечные» (объединение понятий, «входящих друг в друга наподобие матрешки). Но многие понятия, включенные в зонтичные категории, сами содержат понятийные матрешки («матрешки под зонтиком»). Категория «власть», на наш взгляд, относится к «зонтичным категориям». В политической науке идет поиск единой формулы власти, но, как считал М. Фуко, множественность отношений власти может быть закодирована в частности, но никогда — в целом. Однако создание общей теории власти сохраняет свою актуальность. По мнению Т. Болла, несмотря на многообразие концепций власти, они «обнадежат, тем не менее, общими фундаментальными чертами», а значит, открыт путь к взаимоприемлемому согласию относительно «содержания и применения данного концепта» [2, с. 30]. Понятие «власть», отмечает В. В. Желтов, необходимо для описания и объяснения социальных отношений, в которых одни индивиды или группы добиваются подчинения других индивидов и групп. Власть — это способность воздействовать на людей определенным образом, это вероятность тех или иных социальных событий и условия их реализации, ресурсы и их использование, возможности достижения определенных социальных целей и их границ, т. е. понятие «власть» отражает важнейшие стороны жизни общества, связанные со сферой социального господства, контроля и управления [7, с. 12]. Следует согласиться с Д. Болдуином, что власть — это «термин, который хотим мы того или нет, занимает уникальное место в политическом анализе... Даже те исследователи, которые хотели бы избавиться от термина «власть», признают, что он слишком глубоко укоренился в вокабуляре политики, чтобы это действительно могло произойти» [цит. по: 7, с. 14]. Эвристический потенциал данной категории огромна как инструмент описания и объяснения социально-политической реальности. Поэтому многие исследователи отмечают наравду

необходимость в оформлении крестологии как целостной самостоятельной науки о власти, несмотря на всю сложность описания и объяснения данного социального феномена.

Понятие власти центральное в политической науке: политическая власть является главным социальным интересом, вокруг которого возникают и функционируют политические отношения. Субстанциональные определения политики даются через категорию власти. Классическим примером может служить определение политики М. Вебером: «Политика, мера по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» [3, с. 646]. Р. И. Гудин и Х.-Д. Клигеманн также считают, что наиболее точно можно охарактеризовать политику через власть, как «ограниченное применение социальной власти». В соответствии с этим определением изучение политики — как академическое, так и практическое — можно было бы обозначить как изучение природы и источников этих ограничений и техники применения социальной власти в рамках этих ограничений [5, с. 33]. «Властные» определения политики отражают ее важнейшее конституирующее начало.

Как показывают исследования политических антропологов, власть как особый вид общественных отношений изначально присуща солдату, ее истоки коренятся в общественных процессах. В самом широком смысле власть — это возможность вторгаться в течение социальных событий. Т. Парсонс отмечает, что общество это система, коллективная жизнедеятельность которой организована вокруг структурированного нормативного порядка. Вторжение же «в течение социальных событий с использованием соответствующих ресурсов — один из первых шагов к установлению социального порядка» [19, с. 97]. Власть, таким образом, есть выражение объективной потребности каждой социальной целостности в саморегуляции и организации. В любом обществе всегда имеются различные индивидуальные и групповые интересы. Между этими интересами происходит столкновение, усиливается социальная напряженность и возникает потребность в соподчинении интересов, в регуляции процессов их реализации, в сохранении социального порядка и целостности. Движась онтологическим основанием социального мира, власть поддерживает целостность и единство общества, координирует, упорядочивает общественные процессы в условиях демографической, экономической, а затем и политической стратификации. Эта потребность является общей для различных типов обществ и социальных групп.

Необходимость власти диктуется не только императивом социального порядка, но и императивом свободы, которые связаны между собой. Фран-

цузский исследователь Ж. Бюро отмечал, что власть является условием порядка, а свобода возможна только при наличии порядка. Поэтому власть представляет собой социальный феномен: с одной стороны, она не мыслится вне общества, а с другой — общество без власти быстро приходит в упадок.

В отношениях власти выделяют два аспекта: конфликтный и целевой. Конфликтный аспект власти обусловлен несопадением социальных интересов и асимметрией властных ресурсов. С. Лукс считал, что проявить свою власть по отношению к кому-то — значит затронуть его интересы, а точнее, пойти против его воли, покуситься на его автономность. Однако подобное понимание власти носит односторонний характер, потому что власть становится равносильной «нанесению вреда». При такой позиции «власть убеждать» или «власть для блага другого» не могут быть включены в понятие власти.

Власть содержит в себе механизм не только обострения, но и соглашения социальных конфликтов, который позволяет принимать решения, регулирующие развитие социальной группы, общества. Если конфликтный аспект обусловлен противоречиями социальных интересов, то целевой — системной целостностью социальных общностей. Власть — это возможность и способность выполнять определенные функции в пользу социальной системы, взятой в ее целостности. Власть связана с управлением обществом, т. е. с целенаправленным воздействием на социальную систему для обеспечения ее оптимального функционирования, стабильности и развития. Русский философ И. А. Ильин писал, что «власть сама по себе есть *объективно выделенная и организованная сила* — в этом ее сущность и назначение, она есть *живое средоточие уполномоченной и осуществляемой воли, которому все признают, уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы*» [10, с. 274–275]. Механизм властных отношений формируется как в ходе естественного взаимодействия людей, так и благодаря целевому воздействию социальных институтов.

Исследователи считают, что первая специальная попытка определить власть принадлежит Т. Гоббсу, который заложил основы «каузальной» концепции власти как специфического причинного отношения. Власть, по Гоббсу, это диспозиционное понятие; оно выражает потенциал субъекта власти достигнуть подчинения объекта и контролировать объект. Властные отношения носят асимметричный, конфликтный характер, отражают господство одних людей над другими.

Каузальные концепции власти превалируют и во многих современных исследованиях. В. Г. Леяев также рассматривает власть в терминах причинно-следственной связи (потенциальной и/или актуализированной), которые обозначают разновидность каузальных отношений [14]. Главная

проблема состоит в выяснении основы этих отношений, того, что именно позволяет субъекту власти навязывать свои решения объекту власти.

Среди многообразных концептуальных подходов к осмыслению власти особое место занимают реляционные концепции, которые трактуют власть как межличностное (межгрупповое) отношение. М. Вебер отмечал, что власть означает любое возможное осуществление внутри данных социальных отношений ответственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана. Важнейшим вкладом М. Вебера является разграничение понятий «власть» и «господство», введение понятия «легитимность» в сферу социологического и политологического анализа. Г. И. Мусских, анализируя историю и смысл понятий «власть» и «господство», отмечает роль Вебера как основателя «социологии господства» [17, с. 253]. Понятие «господство» Вебер ввел в научный оборот в связи с тем, что понимание власти было слишком аморфным, недостаточным для объяснения механизмов добровольного принятии подчинения.

Современные исследования власти отличаются широким охватом проблематики. Примером могут служить монографии В. Г. Леяева [14] и В. В. Желтова [7]. В этих объемных трудах делается аналитический обзор концепций власти, рассматриваются формы власти, дается их типология, характеризуются ресурсы власти, предлагается определение власти. Среди белорусских исследований по данной проблематике заслуживает внимания работа Д. К. Безюкова по социологии власти [1].

Любое серьезное исследование по этой проблематике включает в первую очередь концептуальный анализ. В тематическом сборнике статей, посвященных проблемам власти, основное внимание уделяется изложению и критике различных концепций власти [4]. Проблематика, связанная с типологизацией крайнологических концепций, достаточно хорошо разработана в политологии, поэтому можно обратить внимание на те концепции, которые вызывают наибольший интерес и непрекращающийся дискуссию.

В политической науке существует несколько вариантов реляционных концепций власти: «сопротивления», «обмена ресурсами», «раздела зон влияния» [4, с. 66–80]. В разработку этих концепций значительный вклад внесли социологи, которые стремятся проследить динамику власти от микро- к макроуровню.

В теории «сопротивления» (Д. Картрайт, Дж. Френч, К. Левин) акцент делается на механизмах подавления сопротивления объекта власти. Так, К. Левин считает, что власть можно определить как отношение максимальной силы воздействия субъекта власти на объект власти к максимальной сопротивляемости объекта власти. Власть определяется как отношение

навязывания своей воли, реализации своего интереса на базе обладания определенными средствами для этого.

Д. Картрайт создает сложную дескриптивную модель действия власти, в которую включает мотивацию власти, ресурсы власти, сопротивление объекта воздействия, внутренние барьеры у субъекта власти, средства воздействия, реакции объекта власти, последствия для принимающего власть субъекта и даже мотивы и источники власти объекта воздействия [25, с. 307].

Концепция «обмена ресурсами» (П. Блау) рассматривает власть как частный вид обмена. Социальный обмен предполагает учет тех действий, которые обусловлены или зависят от вознаграждения, предоставляемого другими субъектами, и тех действий, которые прекращаются, если нет ожидаемой реакции. Вознаграждение может быть внутренним (любовь, уважение, привязанность) и внешним (деньги, физический труд). Акторы не всегда обеспечивают друг другу эквивалентный обмен в равной степени. Такое неравенство в обмене приводит к дифференциации власти в ассоциациях. П. Блау определяет власть как способность одних акторов определять или изменять ряд альтернативных действий или выбор альтернатив для других акторов. Властные отношения – это отношения обмена инструментального и асимметричного типа. Поскольку ресурсы в обществе распределены неодинаково, то это позволяет одним индивидам или социальным группам угрожать негативными санкциями или применять их по отношению к тем, кто не имеет таких ресурсов, но в них нуждается. Субъекты, которые способны в наибольшей степени обеспечить получение вознаграждений, становятся властителями (лидерами). Акторы, в меньшей степени способные вознаграждать других, стремятся приобрести те вознаграждения, которые предлагаются потенциальными лидерами, и это обычно компенсирует страх зависимости. Социальные нормы заменяют прямой обмен опосредованным. Примером *непрямого* социального обмена может служить благотворительность. Особое значение для урегулирования социальных отношений имеют ценности: «общепринятые... ценности и нормы являются посредниками в социальной жизни и связующими звеньями социальных взаимодействий. Благодаря им возможен *непрямой* социальный обмен и они управляют процессами социальной интеграции и дифференциации...» [26, с. 255].

В концепции «раздела зон влияния» (Д. Ронг) внимание смещается с асимметричного характера властных отношений на взаимодействие. Социальное взаимодействие – это генетическая форма власти. Взаимодействующие индивиды постоянно меняются ролями субъекта и объекта власти. Единственным исключением является форма физического насилия. Д. Ронг выделяет власть интегральную и интеркурсивную. Интегральная

власть проявляет себя в централизации, монополии на принятие решений и властную инициативу. Интеркурсивная власть характеризуется балансом отношений и разделением сфер влияния между сторонами. Интеркурсивная власть существует там, где присутствует процедура переговоров и консенсусного принятия решений.

Сторонники реляционной концепции власти обращают особое внимание на ресурсы как средства, с помощью которых субъект власти сможет успешно воздействовать на мотивационную основу объекта власти и «обеспечить удовлетворение соответствующих мотивов другого, задержать это удовлетворение или предотвратить его» [25, с. 303]. Дж. Френч и Б. Рейвен выделили пять видов источников власти: власть вознаграждения, власть принуждения или наказания, нормативную власть, власть эталона, власть знатока. Эти источники власти были дополнены информационной властью, которая имеет место в тех случаях, когда А владеет информацией, способной заставить В увидеть последствия своего поведения в новом свете [25, с. 303–306].

Сторонники коммуникационной теории власти (Х. Арендт, Э. Гидденс, Ю. Хабермас) считают, что власть — это не столько способность действовать самому, сколько взаимодействие с другими людьми. Власть, полагает Х. Арендт, не является собственностью одного индивида — она принадлежит группе до тех пор, пока эта группа действует согласованно. Власть генерируется только тогда, когда люди общаются друг с другом и взаимодействуют в тех или иных делах. Власть есть согласованное действие по осуществлению коллективных целей. Коммуникативный подход разграничивает «власть» и «насилие», рассматривая их в качестве антиподов. Насилие по своей сути инструментально и нуждается в оправдании целью. Власть концептуальна и ей необходимо не оправдание, а легитимность. Как замечает Э. Гидденс, власть по своей природе не является угнетением, она есть «способность выбирать образ действий или возможность добиться результатов» [цит. по: 2, с. 36].

Системная концепция власти исходит из производности власти не от индивидуальных отношений, а от социальной системы, рассматривает власть как безличное свойство системы, ее атрибут. Автором этой концепции является Т. Парсонс. Согласно системной трактовке власть является способностью субъекта действовать, производная от его статуса и функций в общественной системе. Власть осуществляет ряд жизнеобеспечивающих функций: предписывает индивидам выполнять обязанности, определяет общественными целями, мобилизует их ресурсы для достижения общественных целей. Т. Парсонс определяет власть как «способность принимать и «навязывать» решения, которые обязательны для соответствующих коллективов и их членов постольку, поскольку их ста-

тусы подпадают под обязательства, предполагаемые такими решениями» [18, с. 31]. Власть — это реальная способность единицы системы аккумулировать свои интересы в контексте системной интеграции и в этом смысле осуществлять влияние на различные процессы в системе. Некоторые представители системного подхода (К. Дойч, Н. Луман) трактуют власть как средство социального общения, позволяющее регулировать групповые конфликты и обеспечивать коммуникацию внутри системы.

Разнообразие системной концепции является структурно-функциональная концепция власти (Г. Алмонд, М. Роджерс), в которой власть — это способ самоорганизации человеческого общности, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения. Власть выступает в качестве универсального механизма интеграции, согласования и упорядочения взаимодействующих людей, реализующих собственные интересы. Власть — это свойство социальных статусов, ролей, позволяющее контролировать ресурсы, средства влияния. Именно социальная роль в системе и определяет позицию с большей или меньшей властью, считал М. Роджерс. А раз роль индивида определяет его власть, то власть, таким образом, связана с занятием руководящих должностей, позволяющих воздействовать на людей с помощью позитивных и негативных санкций.

Телеологические концепции трактуют власть как способность достижения поставленных целей, получения намеченных результатов. Системным телеологическим пониманием власти был В. Рассел. По его мнению, власть может быть определена как реализация намеченных целей. Каждый обладающий волей индивидуальный субъект сознательно стремится к достижению поставленных целей для получения предполагаемых результатов своих действий. В такой трактовке характер власти естественен, без нее не может обойтись ни отдельный человек, ни общество. Рассматривая индивидуальный аспект власти, Рассел выделил «власть над индивидом» и «власть индивидом». Власть над индивидом — это «толая власть», которая опирается на негативные санкции. Позиция Рассела помогает уяснить, что власть — это конкретная политическая деятельность субъекта, практическое решение им общественных проблем. Интерес исследователя сосредотачивается на изучении того, как субъект политики достигает определенно-го результата.

В поведенческой концепции власть рассматривается как особый тип поведения, как способность одного индивида реализовывать свою волю в отношении другого индивида. Власть — это особенное свойство отдельной личности, которое проявляется в агрессии по отношению к среде, в энергии и силе. Власть есть реализация воли к власти. Сторонники поведенческого подхода считают, что в понимании власти необходимо идти снизу вверх, от индивидов к обществу, руководствуясь реально наблюдаемыми

ми в эмпирическом опыте ее проявлениями. Они считают власть особенной сущностью, носителем которой выступает отдельный индивид, заставляющий других людей повиноваться своей воле. Природа власти объясняется биологическими и психическими особенностями отдельного человека — носителя власти. Поведенческая трактовка власти связана с именами Ч. Мерриам, Г. Лассуэла, Дж. Келпина. Политический процесс бихевиоралисты рассматривают как столкновение индивидуальных стремлений к власти, в котором побеждает сильнейший. Балланс в обществе, когда различные политические силы одновременно стремятся к власти, достигается с помощью системы политических институтов, а нарушение этого баланса приводит к общественным конфликтам и кризисам. Государственная власть так же, как и все другие виды власти, возникает и воспроизводится путем борьбы и постоянного балансирования имманентных всем политическим субъектам воли к власти. Однако государственная власть как упорядочивающая сила избавляет общество от патологических крайностей реализации воли к власти. Этатистская и рыночная линии в позиции бихевиоралистов обосновывали возможность формирования непротиворечивого синтеза государства и рынка власти. Определяющую роль в этом процессе должна была сыграть «социальная терапия», направленная на формирование «благоприятных черт» индивидов для внесения рациональности в политический процесс.

Бихевиоралисты заложили основы эмпирических исследовательских стратегий власти. На базе эмпирических исследований в 1950–60-е гг. сформировалось два основных направления в изучении власти: элитистское («социологическое») и плюралистическое («политологическое»). Представителями элитистской школы были Ф. Хантер, Ч. Р. Миллс. Знаковой фигурой плюралистического направления стал Р. Даль (концепция полиархии). Р. Престус в своих исследованиях стремился преодолеть крайности элитизма и плюрализма. Исходная гипотеза Престуса состояла в том, что элитизм и плюрализм в изучении власти «не являются альтернативными интерпретациями политической реальности»..., а представляют собой две стороны единого элитистско-плюралистического континуума, в рамках которого укладывается вся совокупность эмпирических данных о распределении власти в различных социальных общностях» [15, с. 122–123]. Эмпирические исследования власти позволили выявить наиболее влиятельных акторов в политике на разных уровнях властных отношений и их взаимодействие при принятии политических решений.

«Интегративский поворот» в социальных науках, связанный с семiotикой и интересом к знаковым и символическим системам, существенно повлиял на современные исследования власти. Работы Р. Барта заложили семиологический подход к пониманию власти, что позволило

расширить знания о знаково-символической сфере политики и определить ориентиры для новых исследований форм политической коммуникации. Р. Барт отмечает, что сила господствующего класса, его власть записана в языке. На примере деятельности буржуазии Барт раскрывает литературную, а по сути языковую, семиологическую политику экономического и политически господствующих слоев. Предмет семiotики — это политический, «ибо другого предмета ей не дано» [цит. по: 4, с. 304]. Язык, воплощенный в литературной политике, выколачивает содержание реальных социальных конфликтов, создает анонимную идеологию, выражающую посредством «деполитизированной речи». А максима политической семiotологии такова: любая деполитизация мира осуществляется в политических целях [4, с. 311]. На эту анонимную идеологию работает пресса, кино, телевидение, мода, литература, школьные программы и т. д. С точки зрения Р. Барта, «язык есть фашизм», так как несет в себе жесткую иерархическую структуру: «Власть, заключенная в языке, незаметна нам, потому что от нас ускользает то обстоятельство, что всякий язык классифицирует, а классификация — это тирания» [цит. по: 4, с. 296]. Язык не является простым носителем содержания, он активно это содержание производит. Никакая власть невозможна без присущей языку энергии утверждения. В результате власть может сказать «имя мне — легион» [4, с. 308]. Дискурсивная практика власти формирует авторитарность утверждающего и стабильность повторяющего.

Р. Барт рассматривает возможности использования языка для революционного преобразования общества. Историческая задача интеллектуалов от оппозиции после событий 1968 г. заключалась в Бартом как разожжение изнутри буржуазного сознания. «Макрореволюционные преобразования видятся как неизбежная рутинизация серии точечных текстуальных микро-революций» [4, с. 304].

Подлинный политический выбор в сфере идеологии, по Барту, — это «остановка языка», разрушение фразовой формы и утверждение текста, который заменяет банальный язык адресивности текстом различия, языком единичной телесности. В результате возникает новая социальная ситуация, когда текст становится «навигонской багшей со счастливым исходом» [4, с. 311].

Виднейшим представителем постструктурализма в изучении «генеалогии власти» является М. Фуко, которого интересует «микрополитика власти». Власть, согласно Фуко, не есть власть правительства или какого-либо института, обеспечивающего порядок в государстве. Власть — это многообразие отношений сил, заполняющих и организующих определенную сферу. Исследуя генеалогию власти, Фуко приходит к пониманию неразрывной взаимосвязи знания и власти («знаниевласть»), «власть/зна-

ние»). Его интересует как взаимосвязь знания и власти реализуется в практике, касающейся руководства людьми, управления их поведением, формирования личности. Дж. Ритцер анализирует творчество Фуко, отмечая, что в генеалогии власти главное — изучение того, как «знание порождает власть, определяя людей как объектов влияния и затем управляя этими объектами с помощью знания» [20, с. 530]. Фуко интересуется методами, технологиями, извлекаемые из знания, и их использование в целях осуществления власти над людьми. Французский интеллектуал, опираясь на исторический материал, подробно разбирает разные проявления власти: власть мужчины над женщиной, богатого над бедным, взрослого над ребенком, врача над пациентом, учителя над учеником, полновластного над ущемленным в правах, умного над безумным, надзирающего над преступником.

Рассматривая ход истории, М. Фуко не видит прогресса гуманизма при переходе от первобытного состояния к цивилизации и современному состоянию. История есть переход от одной системы господства, основанной на знании, к другой. Исследования в области генеалогии власти позволили Фуко создать концепцию формирования современного общества, складывающегося в Новое время. Это общество отличается особой системой власти — власти над живым как биологическим видом. Если до XVIII в., считает М. Фуко, власть стремилась осуществлять контроль над смертью, то начиная с этого столетия властный интерес переместился на контроль над жизнью. Жизнь стала восприниматься как политический объект. Такая власть функционирует как постоянно действующий и стремительный к максимальной эффективности механизм всеобъемлющего контроля. Власть для Фуко является синонимом отчуждения и репрессии органических жизненных энергий, которые он отождествляет с «революцией» и «сексуальностью». Иерархия в современном обществе отражает систему репрессии и подавления, которая готова пощадить «пенитенциарного» общества, стремящегося заведомо «исправить», «перевоспитать», «излечить», «наказать» человека, т. е. получить контроль над его «естественными» проявлениями.

Одной из важнейших технологий новой власти стала «дисциплинарная власть», понятие о которой Фуко развивает в книге «Надзирать и карать: рождение тюрьмы» (1975). Дисциплинарная власть — результат распада абсолютизма и передачи части власти «специалистам».

Дисциплинарная власть требует замкнутого пространства, в котором действуют свои законы и правила (места «дисциплинарной монотонности»). Для реализации дисциплинарной власти также важным является принцип «разгораживания» групп и масс на элементарные составляющие: индивидов, и описание каждого индивиду строго определенного места, на котором его можно найти, проконтролировать и использовать (индивидуализация). Дисциплинарная власть не приемлет диффузной циркуляции индивидов, их самоорганизации.

В процедурах осмотра, проверки, экзамена власть налагает на подвластных «обязанность быть осматриваемыми» и демонстрировать себя. Результаты осмотра, экзаменов записываются, сохраняются, собираются досье, архивы, что вводит индивида в поле документирования. Запись разнообразных данных об индивиде становится инструментом объективации и подчинения, конституирует индивида как «объект описываемый». Все это имеет значение для дисциплинарной власти как приобретение важных знаний о человеке. Люди стали предметом научного знания и практики для осуществления дисциплинарной власти. Дисциплинарная власть формирует власть нормы. Она вырабатывает также особую технику для постоянного контроля над соответствием своих объектов заданной норме. В смотре-осмотре-экзамене наиболее явным образом сочетаются отношения власти и отношения знания.

Дж. Ритцер выделяет три основных инструмента дисциплинарной власти у Фуко. Первый — иерархическое наблюдение, способность чиновников наблюдать все, что ими контролируется, одним «пристальным взглядом». Второй инструмент — способность выносить нормализующие приговоры и наказывать тех, кто нарушает нормы. Третий инструмент — использование исследований для наблюдения за людьми вынесенная отнюдь не их нормализующих приговоров. Этот инструмент дисциплинарной власти включает в себя два остальных [20, с. 534].

Место, отведенное каждому индивиду в дисциплинарном пространстве, — это одновременно и ранг индивида, его место в той классификации, которую осуществляет дисциплинарная власть. В работе «История безумия в классическую эпоху» (1961) М. Фуко рассматривает одно из проявлений дисциплинарной власти, связанной с формированием института специального смиренного заведения, «насаждающего воинствующую нравственность посредством административного препициания» [24, с. 90]. В XVII в. впервые в истории создаются морально-воспитательные учреждения, основанные на синтезе нравственной обязанности и гражданского закона. «Государственный порядок, — пишет Фуко, — больше не может мириться с беспорядком, царящим в душах». «Добродетель есть дело государственное» и ее можно «насаждать декретами», «создавать властные структуры, призванные обеспечить ее почитание». Фуко критически характеризует буржуазное «государство нравственности», уготованное для тех, кто с самого начала не желает подчиняться правилам игры. Это государство, «где право волажрется не иначе, нежели с помощью неумолимой силы; где при верховенстве добра торжествует лишь одна угроза; где добродетель настолько ценна сама по себе, что не получает в награду ничего, кроме отсутствия наказания» [24, с. 90].

Современное государство создает разнообразные «дисциплинарные институты», формирующие «дисциплинарное пространство», заполненное

людьми, которым под страхом наказания того или иного рода нужно подчиняться правилам внутреннего распорядка, т. е. соблюдать требования такого типа несвободен, он – объект власти. Отношение несвободы пронизывает все дисциплинарное пространство: даже архитектура подсобных заведений подчинена стремлению сделать находящегося в нем человека объектом непрерывного надзора и контроля. В данном контексте Фуко рассматривает паноптикум – структуру, позволяющую служащим наблюдать за жизнью заключенных, само существование этой структуры, создающей *возможности* тотального надзора, становится огромным источником власти. Фуко рассматривает паноптикум как определенную лабораторию для сбора информации о людях и как основу «целого типа общества» – дисциплинарного общества. Фуко считает, что на матрицах такой дисциплинарной власти возникли многие науки о человеке – психиатрия, педагогика, сексология. «Все науки, познания и практики, – заявляет Фуко, – в названии которых входит корень “психо”, находят свое место и этом историческом переворачивании процедур индивидуализации. В тот момент, когда совершается переход от исторически ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным, когда “норма” заняла место “предела”, а мера соответствия норме – место статуса, когда место индивидуальности человека известного заняла индивидуальность человека вычислимого, в этот момент и стало возможным формирование наук о человеке, ибо именно тогда была запущена новая технология власти и новая политическая анатомия тела». Технологией дисциплинарной власти является в себя не единую всеобъемлющую систему власти, а систему властных микровластий. Фуко описывает «микробиологию власти» с «бесчисленными точками конфронтаций» [20, с. 534].

Властный дискурс, по М. Фуко, постоянно фиксирует функциональные отжествления, когда большие прививаются к преступникам, женщинам к грешникам, дети к неполноценным индивидам и т. д. Во всех случаях преобладает изначальная установка власти на учреждение иерархических отношений подавления и контроля, которые пропитывают язык и политику. При этом он с особым вниманием исследует «изру властной инстанции со своим антиподом» [23]. Так, он обнаруживает субимприванную сексуальность в репрессивной правовой системе буржуазной морали, во влечении к духу масс со стороны автократии.

М. Фуко считает, что через дискурсивные практики власть производит область своих объектов подчинения, а также методов добывания знания относительно них. Дискурс – это текст вместе с социальной практикой, текст функционирующий в одной и той же системе отношений, к которой он принадлежит. Важно то, что не предмет порождает дискурс, а дискурс продлирует соответствующий предмет. Причем дискурс – это норматив-

ная практика. Дискурс может быть не только словесным: к числу дискурсов Фуко относит и осмотр, опрос больного врачом, тюремный распорядок или архитектурные принципы устройства исправительных заведений, закрытых учебных заведений или книжки. Причем дискурс обеспечивает контроль, основанный и связанный с определенным знанием. Это такое знание, которое непосредственно или косвенно определяет цели и задачами власти, присутствии ей аспектом видения своих объектов. Власть/знание – это такое знание, которое развивается и обогатается путем сбора информации и наблюдений за людьми.

М. Фуко определил в своей концепции власти многие направления постмодернистских исследований, в частности широкое применение дискурс-анализа. Слияние власти и знания приводит к тесной связи власти и дискурсивных практик. Подобно дискурсу, власть не принадлежит определенным агентам, а распространяется посредством различных социальных практик. В рамках дискурс-анализа власть следует рассматривать шире – как продуктивную сеть, пронизывающую социум, а не как исключительно «запретительную инстанцию», функция которой – репрессия [28, р. 119]. Власть обеспечивает условия, чтобы социальное стало возможным. Благодаря власти производится социальный мир, она создает и несет ответственность за созданный социальный мир, она создает и специальные способы формирования и обсуждения социального мира. У М. Фуко формируется идея «нормализирующей власти», как определяющей силы для понимания социально-политических практик [21, с. 180–181]. Кроме того, Фуко показывал в своих исследованиях, что везде, где существует власть, присутствует и сопротивление власти.

Концепция власти Фуко нашла развитие в теории дискурса Э. Лако и Ш. Муфф, разработанной в книге «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985) [12, с. 53–107]. В их понимании власть – это то, что производит социальное. Категория «власть» используется для обозначения силы и процессов, которые делают социальный мир значимым. Власть, считают Лако и Муфф, создает наши идентичности, знания, определяет отношения, конституирует социальный порядок. Власть в их теории дискурса связана с политической и объективнойностью. Под объективной понимается «осажденная власть», где следы самой власти стерлись, и забылось, что мир сконструирован политически. «Использование слова «власть» для обозначения силы и процессов, которые создают и делают социальный мир, может показаться странным», – отмечают Л. Филиппс и М. В. Йортенсен в работе по проблемам теории и метода дискурс-анализа. «Но именно такое понимание власти поддерживает условность нашего социального мира. Именно власть создает наши знания, наши идентичности и определяет то, как мы относимся друг к другу, будучи группами или индивидами» [12, с. 74].

Представленные и охарактеризованные концепции власти не исчерпывают всего многообразия подходов к осмыслению власти, хотя отражают важнейшие из них.

Интересной новаторской разработкой проблем власти является выделение *принципов власти* В. В. Ильиным. С одной стороны, эти принципы носят нормативный характер. Сам автор пишет, что данные «нормативные положения, как и все и всякие общие места, разумеется, утрачивают черты истины, однако, допуская изъятия и нюансы, оказываются капитальными, если брать их вместе, проводя применительно к различным контекстам соответствующие спецификации» [9, с. 135]. К принципам власти относятся принципы сохранения, действенности, легитимности, скрытности, «антифортиссимо», внутренней несвободы, реальности, толерантности, принцип приставки «со» (соучастие, содействие, сотрудничество, согласие), конъюнктурности, самокритичности, принуждения, культурности, принцип меры, позитивности, ответственности, самоорганизации, внутреннего величия, твердости, компетентности. Сформулированные принципы раскрывают не только определенную нормативность функционирования власти, но дают ориентиры как для понимания механизмов властвования, так и практического их использования. Хотя В. В. Ильин и говорит, что нормативность «не поставщик верных ответов на все случаи жизни, а именно схема – модельный типаж адекватной и притом вполне конкретной властной линии» [9, с. 166]. Но в конкретной политической практике, в осуществлении властных полномочий часто не хватает понимания нормативности властных отношений и готовности ими руководствоваться, чтобы выработать верный стратегический курс и избежать тактических ошибок.

С анализом власти в политологии тесно связано исследование ее легитимности. В социально-политической сфере понятие «легитимность» становится одним из самых используемых в политологическом и политическом лексиконе [22]. При этом журналисты и политики применяют этот термин весьма произвольно, чаще всего подменяя легальность легитимностью.

Исследование легитимности власти сохраняет свою значимость в современных работах по кратологии. Именно в политической науке проблема легитимации власти и ее институтов становится предметом направленных исследований. В работах по политической антропологии раскрываются процессы генезиса политической и государственной власти во взаимодействии с формированием на уровне коллективного бессознательного признания легитимности системы отношений социального господства и подчинения через сакрализацию власти новых институтов.

Генезис, становление и развитие концепта легитимность обстоятельно раскрывается в работах К. Ф. Завершинского. Он отмечает, что анализ смыслового поля политической легитимности до сих пор представляет сложную семантическую проблему, однако прослеживается некая общность в понимании данного феномена различными исследователями. Поворотный

справедливости интересов и целей, выдвигаемых ими. Это *политическое* признание законности правления.

Огромная заслуга М. Вебера состоит в том, что он сделал легитимность предметом самостоятельного исследования. Рассматривая политическую власть как социальное господство одних групп людей над другими в рамках государственно-организованного сообщества, Вебер постоянно подчеркивает потребность такого господства в легитимации. В легитимации нуждается и монопольное право государства на физическое насилие. Механизм функционирования государственной власти распадается у Вебера на два типа ожиданий: приказывающие ожидают, что им будут повиноваться, а подвластные ожидают, что приказ будет носить характер, который соответствует их ожиданиям и поэтому будет признан. Таким образом, легитимность тесно связана с оценкой власти, в том числе и моральной. Когда политическая элита претендует на то, что ее власть легитимна, то ссылается на нравственные критерии оправдания своих действий, особенно тогда, когда с юридической точки зрения они незаконны. Граждане одобряют власть и доверяют ей, также исходя из критериев блага, добра, справедливости, порядочности. Даже Н. Макиавелли, который практическую пользу в политике отделял от этических норм, отмечал, что в имидже политика важны такие качества, как сострадательность, верность слову, милосердие, искренность, благочестивость. И политик должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Значит, вопросы политической легитимности связаны и с вопросами моральных прав, ведь никакое предписание не имеет законной силы, если идет против совести.

М. Вебер выделил три идеальных типа господства, основанных на традиционной, харизматической и легально-рациональной легитимности. Легально-рациональная легитимность основана на силе закона, на вере в обязательность легального *установления* и деловой компетентности, основанной рационально созданными правилами. Основой подчинения является не личностный фактор, а закон. В этом варианте легальность один из вариантов легитимности.

В политической практике подобное совпадение встречается далеко не всегда, так как политическое бытие власти всегда сложнее, полифоничнее юридического бытия. Политические регулятивные механизмы шире правовых и нередко ускользают от юридической систематизации. Идет как бы постоянный плебисцит на доверие политическим институтам и существующему социальному порядку. Легитимна власть, признанная необходимой социально значимой частью общества. Но всегда остаются социальные слои, группы интереса, политические центры влияния, которые оспаривают легитимность данной власти или некоторых ее институтов.

Структурная легитимность основана на убежденности в правомочности существования данной политической системы. Структурная легитимность преобладает в устойчивых обществах, где заведенный порядок формирования властных структур стал привычным. Доверие к системе распространяется и на лиц, избранных законным образом.

Персонализированная легитимность основана на одобрении данного властвующего лица, на доверии к нему. Властвующая личность как бы отождествляется с личным выбором. Персонализированная легитимность соотносится с харизматическим типом и может перерасти в него, однако между ними есть существенные различия. Лидеру с персонализированной легитимностью доверяют, испытывают симпатию, но в целом в отношении к нему господствует рационально-критическая поддержка. Харизма же основана на вере в особые качества личности, рождает любовь, поклонение, некритическую готовность к полному подчинению. Персонализированная легитимность нуждается в подкреплении идеологической и структурной.

Серьезной теоретической проблемой в политической науке является вопрос о первичном критерии легитимности. Особой равнозначностью легитимности является *этническая легитимность*, когда легитимными признаются политические элиты, сформированные по национальному признаку. Э. Геллнер определил национализм как политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать. Более того, национализм как теория политической законности стоит на том, что этнические границы внутри государства не должны делить правителей от основного населения. Национальная принадлежность в таком случае становится основой к оправданно претензий на власть.

Выделяют легитимность, основанную на соглашении в силу *политической целесообразности*. Такая легитимность обычно практикуется в переходные периоды, когда утверждается новая политическая система, а процесс институционализации и адаптации институтов приобретает зажатой характер.

Согласно либерально-демократической позиции, легитимной признается власть, сформированная в результате демократической процедуры на основе свободного волеизъявления граждан. Соблюдение демократических принципов проведения выборов дает основание для признания результатов выборов легитимными.

Сторонники политического реализма придерживаются прагматической позиции. Легитимной, с их точки зрения, является эффективная власть, способная поддерживать в обществе порядок, стабильность. Власть, которую многие члены общества считают нелегитимной, но способная функционировать эффективно, может подкрепиться ясно выраженным согласием подвластных. Однако не стоит преувеличивать возможность быстрой потери легитимности неэффективной властью. Процесс делегитимации может носить затяжной характер, а кредит доверия исчерпывается постепенно.

Легитимность обладают разные режимы, в том числе тоталитарные и авторитарные, хотя эту позицию разделяют не все политологи. Но более всего в легитимной власти нуждается демократический режим, в котором политический и идеологический плюрализм создает каналы для осари-вания легитимности властвующих политических сил. Возникает особая потребность во взаимном контроле легальности и легитимности власти. В демократическом обществе важнейшей в процессе легитимации власти является процедура законодательной легитимации.

Легитимность наглядно показывает, что сила власти не равнозначна власти силы, т. е. действует принцип «антифортиссимо» власти [9, с. 138–141]. Сила – наименее эффективный способ использования власти, это крайнее средство ее удержания, но не опора для длительного правления. Гамильтон – один из отцов-основателей американской конституции – говорил, что в политике, равно как и в религии, неразумно обращать в веру огнем и мечом. Преследователи редко исцеляют от ереси как в той, так и в другой области.

Понимание зависимости силы власти от поддержки общества определяет необходимость постоянной коррекции общественной политики, соблюдения баланса социальных целей и средств поддержания власти. В этом состоит великое искусство политического властвования. Чем ближе власть к личности, тем основательнее источник ее легитимности. Доверие же к власти является огромным дополнительным ресурсом, позволяющим влиять на идеалы, ценности и поведение людей.

Подтоживая различные концептуальные подходы к пониманию власти, следует отметить, что на данном уровне развития политической науки большинство политологов признают, что власть носит общественный характер, она рождается в недрах социума как межличностное отношение и как свойство системы. Способ ее устойчивого существования реализуется в форме социальных институтов. Цель власти состоит в том, чтобы посредством прямого или косвенного воздействия на людей противодействовать деструктивным тенденциям, а также стремиться к стабильности общественного целого, способствовать его развитию. Власть опирается на установившийся порядок и организованные действия и одновременно воплощается в них.

Библиографические ссылки

1. Беньюк, Д. К. Власть: методологические основы социологического анализа / Д. К. Беньюк. – Минск: Бел. наука, 1997. – 127 с.
2. Болл, Т. Власть / Т. Болл // Психология и психоанализ власти. Т. 1: хрестоматия. – Самара: Издат. Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 29–41.
3. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс. – 1990. – С. 644–735.
4. Власть: Очерки современной политической философии Запада / В. В. Мшвениерадзе [и др.]. – М.: Наука, 1989. – 328 с.

5. *Гуддин, Р. И.* Политическая наука как дисциплина / Р. И. Гуддин, Х.-Д. Клингеманн // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С. 29–68.
6. *Дегтярев, А. А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения / А. А. Дегтярев // Полис. – 1996. – № 3. – С. 108–120.
7. *Желтов, В. В.* Теория власти / В. В. Желтов. – М.: Флинта; МПСИ, 2008. – 584 с.
8. *Завершинский, К. Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К. Ф. Завершинский // Концептуализация политики; под ред. М. В. Ильина. – М.: МОНФ, 2009. – С. 104–128.
9. *Ильин, В. В.* Власть / В. В. Ильин. Политология: учеб. для вузов. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – С. 120–233.
10. *Ильин, И. А.* О сильной власти / И. А. Ильин // О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. Совместное издание Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации «Телекс». – 1991. – С. 274–286.
11. *Ильин, М. В.* Слова и смысл. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. – М., 1997. – С. 432.
12. *Йоргенсен, М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.
13. *История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / Д'Аламбер, Д. Дидро.* – Л.: Наука, 1978. – 311 с.
14. *Ледяев, В. Г.* Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
15. *Ледяев, В. Г.* Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев // Полис. – 2000. – № 1. – С. 97–107.
16. *Ледяев, В. Г.* Социология власти Роберта Престуса / В. Г. Ледяев // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2008. – № 4 (51). – С. 122–138.
17. *Мусихин, Г. И.* Власть и господство: история понятий / Г. И. Мусихин // Концептуализация политики; под ред. М. В. Ильина. – М.: МОНФ, 2009. – С. 238–255.
18. *Панарин, А. С.* Онтология власти / А. С. Панарин / Философия власти; под ред. В. В. Ильина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
19. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ.; под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
20. *Ритцер, Дж.* Современные социологические теории / Дж. Ритцер; пер. с англ.; 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
21. *Сергеев, В. М.* Проблема власти / В. М. Сергеев // Полис. – 2008. – № 2. – С. 179–181.
22. *Филиппов, А. Ф.* Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия / А. В. Филиппов // Полития. – 2002. – № 2 (25). – С. 97–117.
23. *Философия социально-гуманитарного знания М. Фуко [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://www.rsu.ru/article.html?id=2589>. – Дата доступа: 07.10. 2009.
24. *Фуко, М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
25. *Хекхаузен, Х.* Мотив власти / Х. Хекхаузен // Психология и психоанализ власти. Т. 2: хрестоматия. – Самара: Издат. Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 299–338.
26. *Blau, P.* Exchange and power in social life / P. Blau. – N. Y.: Wiley, 1964.
27. *Rothgeb, J.* Defining power: Influence and force in contemporary international system / John M Rothgeb. – N. Y.: St. Martin s Press. – 1993. – 205 p.
28. *Lipset, S. M.* Political man. The social bases of politics / Expanded Edition / S. M. Lipset. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981.
29. *Foucault, M.* «Truth and power» / M. Foucault/in C. Goedon (ed) // Power/Knowledge. Selected Internes and other Writings 1972–1977. – Hemel Hempstead: Harvesner Wheatsheaf, 1980. – P. 119.